
В. ЩЕРБАКОВА
МАМА

В. ЩЕРБАКОВА

МАМА

Издательство ЦК ВЛКСМ
« МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ »
1959

СОДЕРЖАНИЕ

Мама! Это ласковое слово звучит почти одинаково на всех языках мира, и его понимают без перевода.

— Ма, ма, ма! — лепечет ребенок и тянет свои ручонки к маме. Он уже запомнил ее доброе лицо, знает звук ее голоса.

Это она склоняется над его кроваткой, когда ему не спится, поправляет одеяло. Он скучает о ней, если она уходит, и озаряется весь радостью, когда она возвращается.

Подрастая, он привязывается к ней все больше и больше, хотя мир его детских восприятий расширяется и знакомства с людьми растут. Теперь ребенок знает, что, кроме мамы, в доме есть папа, бабушка, другие дети, но мама — она для него все так же незаменима!

Порой мама бывает строгой и даже наказывает. Первые горькие слезы обиды, громкий протест! Но, оказывается, на маму нельзя долго сердиться и даже просто невозможно ни минутки прожить с ней в ссоре. Он подбегает к ней, трется щечкой о ее колени и настойчиво просит улыбки прощения. Мир налажен...

Ребенок спешит к маме с впервые увиденным цветком в зажатом кулачке или с расширенными от страха глазками: как много кругом непонятного, незнакомого! И как легко сделать себе больно: пред-

меты цепляются, царапаются и даже сбивают с ног. Тут уж без мамы никак не обойтись.

Мама отведет его в школу, посадит за парту — вот и кончилось беззаботное детство.

Отношения с мамой усложняются и с годами приобретают иные оттенки.

— Ну, а что скажешь ты? — частенько спрашивает мама совета у подросшего сына.

И ты втайне польщен, чуть-чуть важен.

Часть забот по дому постепенно переходит на тебя, но ты понимаешь, что иначе нельзя: мама работает на заводе или, может быть, на фабрике, она устает, ей тяжело без твоей помощи.

Незаметно для себя ты привык гордиться мамой, а однажды, прочитав о ней в газете, ты не мог опомниться от радости и ходил героем дня среди приятелей-мальчишек. А назавтра в школе старый учитель долго отчитывал тебя за недобросовестное отношение к домашним занятиям и ставил в пример твою маму.

Да, у мамы было что перенять; с годами ты начинал понимать это, но, понимая, не всегда делал так, как нужно. Однако у мамы хватало терпения учить, поправлять тебя и прощать, если ты ошибался. Ты принимал это как должное, не задумываясь.

Закончив школу, ты пришел к ней на завод, и после работы вы вместе с ней, плечом к плечу, возвращались домой.

Ты очень волновался, если мама прихварывала. Теперь ты не стеснялся, как в школьные годы, проявить свою ласку, сказать маме нежное слово. И ты видел, что это ей было очень нужно и дорого.

Приветливый огонек настольной лампы в родном окне ждал тебя в любой час ночи: шел ли ты с позднего свидания или с заседания комитета комсомола, где решалась твоя судьба: тебя рекомендовали в кандидаты партии.

— Мама, мама, можешь поздравить меня!

Ей первой ты спешил сообщить свою радость, и от этого чувство радости удваивалось. Так всегда и

во всем: удачи и горести, боль разочарования в товарище, а то и в друге, сомнение в правильности своих поступков — все это ты нес к маме, смотрел в ее любящие правдивые глаза, и тебе жилось лучше, дышалось легче.

А как ты скучал о маме, впервые надолго разлучившись с ней! Ты служил тогда в рядах Советской Армии, а может, трудился на новой стройке Сибири или в молодом целинном совхозе.

Теплые воспоминания о матери, о родном городе, где ты родился и вырос, познал радость труда, сливались в твоей душе воедино, и ты с омерзением думал о тех немногих, но все еще встречающихся в нашем обществе бессердечных сыновьях и дочках, что, однажды вылетев из семейного гнезда, забывали своих старых матерей, и ты с беспощадностью горячей юности жестоко осуждал их! Нет, не хотелось бы тебе иметь соседом в строю одного из тех немногих...

«Мама, ты дала мне жизнь, воспитала меня. Я бесконечно благодарен тебе за все, что ты сделала для меня своими слабыми, милыми и такими сильными руками. Я на всю жизнь перед тобою в долгу, мама!..» — такие слова есть в заповедях бригад коммунистического труда.

Герои очерков этой небольшой достоверной книжки, наш молодой читатель, возможно, напомнят тебе самого себя, взволнуют, обрадуют или просто заставят задуматься о великом уважении к матери, о том, как надо ценить и беречь родителей, перед которыми человек всегда в неоплатном долгу.

Коммунистическое завтра уже реально, уже шагает по твоей великой Родине. Только самое светлое, самое чистое и возвышенное — в первых рядах. Так торопись туда, не отставай!

БРАТЬЯ СОРЕВНУЮТСЯ

— С сыновьями всегда труднее, чем с дочками. Хлопот больше. Особенно если дети растут без отца. Это уж кого ни спроси, всякая мать скажет. А у меня их двое на руках осталось: Витя и Валя, и всем нам вместе далеко до тридцати не хватало. Представляете положение?

Крыша над головой у нас, правда, была. Да вот та самая комнатенка, в которой мы и сейчас живем. Но проживали мы в ней тогда не одни, а еще два семейства рядом. У нас ведь как бывает: поселились поначалу три паренька и вдруг все чуть ли не враз женами обзавелись. Вот тут и пошли в ход так называемые ширмы: покупает чета цветного ситчику, занавешивает свой угол — и семейный уют готов.

Жизнь, конечно, сами понимаете, не завидная, ну да по молодости лет сойдет, к тому же у всех надежда: подойдет очередь — дадут комнату.

А про себя я прямо скажу: меня в ту пору ни капельки не тяготило такое общежитие. Все-то я на народе, и ребята мои всем миром ухожены. Работаешь, скажем, в вечернюю смену — сердце не болит, что сынов некому поесть надоумить или спать уложить. Жили дружно, пожаловаться не могу.

Но вот началась война, и все разъехались кто куда. Я же не поднялась, прихварывала немного.

Лицо невысокой миловидной женщины Марфы Васильевны Буриос, с которой я беседую, становится грустным, и она невольно замолкает от волнения, затем с улыбкой говорит:

— Сыны бы сейчас сказали: «У нашей мамы глаза на мокром месте...»

— Ну так вот,—продолжает Марфа Васильевна,— я почему начала издалека, с самого трудного времени, с войны? Да потому, что, как говорится по народной пословице, друзья познаются в беде. Конечно, у меня не друзья, а дети родные, но все же... Уйдешь, бывало, на работу чуть свет, ребята еще сладкие сны досматривают, а с вечера старшему накажешь следить за Валей, поесть оставишь. Сами знаете, в войну со временем не считались, по десять-двенадцать часов работали.

Бежишь с работы домой, сердце мрет: как-то они там? И что же вы думаете? Ни баловства, ни проказ. Понимают, что мамке их тяжело, другой раз прямо с ног от усталости валюсь.

Смотрю, в комнате подметено, прибрано. Валя спит, а Витя меня дожидается. Сейчас с отчетом: как день провели, что делали.

А из еды всегда норовят мне что-нибудь оставить: кусочек хлеба, картошенку. Я хоть и наказываю им: не делайте этого, сыта прихожу, а они знай свое.

Потом Витя учиться начал, Валя от него не отходит: дай ему карандашик, дай бумажку. Ну, тот дает. Согласно живут, по-братски. И на людях всегда аккуратные.

Не успела оглянуться, как и второй в школу пошел. Растут мои сыночки!

Теперь старший в разговоре иногда меня поправлять стал, если что неправильно скажу. Вежливо поправит, с извинением.

Но тут, признаюсь, мне бы одной с ними не справиться. На работе день-деньской занята, вечером пошить, постирать надо, да и, главное, образование у меня всего четыре класса, что я могу дать своим детям? Я сама, можно сказать, у них учусь: книжку ли мне вслух почитают, газету ли. На этот счет они

у меня молодцы, любят, чтобы я у них была «в курсе».

Одним словом, чуть ли не каждый день политбеседа проводится. Один другому не уступят, оба речистые.

Так вот, встречаю я как-то Евдокию Сергеевну Лазареву на сквере между корпусами: никогда мы с ней близко не знакомились, а кланяться кланялись друг другу. Тут она меня останавливает и говорит:

— Посылайте ваших сыновей ко мне, скучать не дам и на баловство их не потянет: при деле будут.

Евдокия Сергеевна у нас заведует детской комнатой, что в четвертом корпусе. Да спросите у любого школьника, он вам покажет где.

Ну, там, при комнате, кружки всякие, зверюшки, опять же уроки можно сделать под наблюдением учителя.

Прижились мои дети при Евдокии Сергеевне. В драмкружке оба, способности у них открылись: поют, танцуют. Я не нарадусь на них.

Порядки у Евдокии Сергеевны строгие: случись в табеле тройка — на сцену не выпустит. Исправишь отметки, подтянешься — тогда пожалуйста.

Семейка у меня дружная. В день получки у нас вроде праздника. Хоть и невелики мои заработки, работала я тогда на 1-м ГПЗ в роликовом цехе на барабанах, но к чаю конфет куплю, пряников. Советуюсь с мальчиками как со взрослыми.

Все обсудим, что кому купить необходимо в первую очередь, а кто потерпит. Понимали они: нелегко матери.

Бережливыми росли и невзыскательными. Было бы лишь чистое, поглаженное. Другой раз, поверите ли, спор в доме идет: кому купить обнову? Они не прочь все деньги на меня истратить. Нравится им, когда мама нарядная.

Брат холостой мне в то время помогал немного, мама из деревни, глядишь, гостинец какой пришлет — одним словом, не бедствовали.

Ну, а первый помощник — конечно, завод. В пионерские лагеря мои дети каждый год бесплатно

ездили, в отпуск пойду — деньжат завком даст на лечение.

Старшенький однажды, смотрю, места себе не находит: загрустил и загрустил. В шестом классе он тогда учился.

Хвалиться не буду его старанием, но шел не из последних и никаких вызовов мне из школы не было. Приду на родительское собрание — не стыдно в глаза людям смотреть. А тут нате вам: «Не хочу учиться, устраивай, мать, иа работу, хватит тебе одной нас кормить. Я вон ростом насколько тебя обогнал!»

Верно, вытянулся парнишка, только слушать мне такие разговоры совсем ни к чему. Сама я малограмотная, тоже сиротой росла и лишь в тринадцать лет, когда в нашем селе Выжлес Ижевского района Рязанской области колхоз организовался, пошла учиться. До этого пастушонком бегала со старшими братьями, а зимой ни обуть, ни надеть нечего. Теперь вы представляете мое заветное желание детей образовать, и вдруг...

Расстроилась я. Никаких уговоров Витя слушать не хочет. Впервые в жизни из повиновения вышел. Я вся от слез опухла, а он свое твердит.

В открытую бросить школу он все же не решился. Делал вид, что ходит, а на самом деле...

Шалашик за мостом построили — и ну резаться в карты! Нашлись такие, с пути сбились.

Застала я его там однажды, он чуть со стыда не сгорел: «Прости меня, мама, больше не буду».

Веду его домой, он плачет, я плачу. Напугалась я. Мерещится мне все самое худшее: может, в каких грязных делах он с этой компанией запутался? Выспрашиваю его, верю ему и не верю. Извелись с ним оба. Значит, делать нечего, нужно отдавать хотя бы в ремесленное.

Вижу, жалеет он меня, ласковый ко мне. Дни идут, никто за Витей не приходит. А он, чтобы угодить мне, старается дома больше сидеть.

Стала я понемногу успокаиваться, в себя приходить. Вот слышу однажды разговор между братьями, тихонько так говорят, думают, что я сплю, разбудить боятся.

— Ты что это, Витька, маму не любишь разве?

— С чего ты это взял?

— С того... Почему школу бросил? Мама убивается!

— Вижу, не слепой. Но я для вас же хочу деньги зарабатывать. Понимаешь ты или нет?

«Хорошие вы мои ребятки, — думаю про себя. — Ну, спасибо вам».

Да, забыла сказать. К тому времени кончилась моя вдовья жизнь, решилась я привести ребятам отца в дом. Конечно, с их же согласия.

Не могу утверждать точно, что на Витю с Валей больше повлияло: желание ли иметь отца, как у всех товарищей, или уж на самом деле Федор Макарович им пришелся очень по душе, но только веселья в нашем доме прибыло.

— У нас теперь папка есть, мы богатые, — без конца хвалились они всем.

Нашлись, как всегда, недоброжелательные люди,

не постеснялись младшему сынку в лицо сказать: «Поживет ваш папка месяц-другой, и был таков. Небось в загсе-то не расписанный?»

Валя ко мне чуть не в слезах прибежал. Вижу по лицу: у мальчика настоящее горе, пошутить или отмахнуться нельзя.

Федор Макарович тоже так это понял. Достает из ящика стола свидетельство загса и показывает Вале:

— Смотри, читать умеешь?

А на другой день получка у него. Пошептался со мной про ребячьи нужды и — в магазин. Портфели новые принес, тетрадки, карандаши цветные.

Ребята сияют, довольны.

Жизнь у нас легче потекла. Федор Макарович сантехником работает в одном научно-исследовательском институте, а кроме того, вообще мастеровой человек. Гардероб сам сделал, стол. Комнату нашу не узнать.

Ребята около него ремесло перенимают и как-то незаметно «папой» называть стали. Я не перечу им, да и причины нет. Правильно ведет себя и та и другая сторона. А ведь сколько вот таких повторных браков разлетается из-за детей! После войны многие осиротевшие жизнь налаживали. Не уживутся, не подружат дети с новым отцом, а мать страдай.

Мы, женщины, какой народ: все к сердцу принимаем.

Прикрикнет, скажем, неродной отец на ребенка, а тот слезу пустит, побежит к тебе жаловаться — вот вам и раздор в семье. Из-за пустяка, собственно. И у нас случалась иной раз неприятность, да сыновья вовремя спохватятся и не дадут ей разгореться.

Прихварывать я начала частенько, не прошли, видно, даром для меня военные годы. Лежу, а Витя с Валей не знают, чем угодить мне, всего накупят, подадут в постель.

Вот в один из таких дней, слышу, перешептываются о чем-то мои мужчины, улыбаются. И вдруг:

— Разрешите, Марфа Васильевна, всем нам одной фамилией зваться. Папка усыновить нас хочет. Правда, правда, не сомневайся.

— Верно, Федя?

— Верно. Нравятся мне твои сыновья. Третий год живем вместе, достаточно я к ним пригляделся. Да и они ко мне, скажу — не совру, уважение заимели...

Ну что на это возразить можно? Я думаю, каждой матери на моем месте приятно услышать подобные слова.

Обняла я их всех сразу, расцеловала.

Выучился мой Витя на слесаря в ремесленном училище, устроился на работу. С первой получки нам с отцом подарок, брату на билет в театр, а остальные мне на расходы. Бережливый, лишней копейки на себя не растратит.

А Валя в десятилетке учится и, кроме того, от Виктора не отстает: ни одного представления в кружке самодеятельности при детской комнате без него не обходится. Как получит новую роль, мне первой о ней расскажет, все свои сомнения и радости выложит. И я ведь когда-то в молодости увлекалась самодеятельностью, да не так жизнь моя потом сложилась...

Развития у меня не хватает, конечно, но сыны никогда не обходят меня своим разговором. Не пойму чего с первого раза, объяснят снова. Так незаметно и я с ними развиваюсь.

Они и радио слушать меня приохотили, в кино с собой берут. На их представлениях я всегда первый зритель, и в первом ряду посадят.

В слесарях Витя немало стал зарабатывать, а тут вдруг слышим: по комсомольским путевкам многие просятся стадион в Лужниках строить. Витя ко мне: так, мол, и так, но наперед предупреждаю: заработок мой уменьшится, пока не овладею новой строительной специальностью.

— Уважь, мама, отпусти.

Опять задача! Беспокойный у меня Виктор. А он тут же добавляет:

— Только, пожалуйста, не расстраивайся, как тогда с ремесленным, я даю тебе слово, что послушаюсь тебя. Как скажешь, так и будет.

Слово у Витеньки крепкое, в этом я уже не однажды убеждалась.

Советуемся с Федором Макаровичем, решаем, как быть с парнишкой. Понимаем, чай, на какое почетное дело просится, нельзя вставать поперек дороги. Комсомолец он. Да и в цехе себя хорошо показал.

Отпустили по добру и согласию. Обрадовался Витя, до потолка подпрыгнул.

— Молодец ты у нас!

Вот какой похвалы от сынка дождалась. Тоже и матерям надо крепко подумать, как заслужить от детей любовь. Правильно я говорю?

Недолго, месяцев пять, Витя в Лужниках проработал. Призвали его оттуда в армию, срок настал.

Парень вырос здоровый, видный. Проводили его честь по чести. Письма ждем с места службы. Долгонько что-то. Я уже волноваться начала: не случилось ли чего?

Валя меня успокаивает. Причины для волнений, говорит, нет, не война. И впрямь: получаю, наконец, долгожданную весточку. На танкиста учить будут. Что ж, слесарю это дело сподручно.

Отвечаю ему письмом с наказом: «Неси службу без замечаний, и пусть тебе будут одни благодарности».

Веселый он у меня, общительный, живо друзьями, товарищами обзаводится. И в письмах неизменно: «Жив, здоров, весел, чего и вам желаю. Служу на совесть, каждый день повышаю свою боеспособность, так что, пока Виктор Бурнос в солдатах Родины ходит, можете спать спокойно...»

А то и стихи сочинит, возможно, и не совсем складные, да мне, матери, нравятся.

Евдокии Сергеевне не реже, чем нам, пишет. То одноактную пьеску у нее попросит, в которой когда-то играл, то еще какой-нибудь материал, если там,

на месте, не сможет достать. Витя и в армии с художественной самодеятельностью не расстается.

Тут и Валя мой десятилетку закончил, а осенью его на службу призвали, в моряки определили.

Затосковала я без ребят, в доме пусто, но писать им о том воздерживаюсь: зачем понапрасну тревожить?

А они как будто чувствуют, что со мной происходит, завалили меня письмами одно другого ласковее, карточки свои шлют. И вдруг что вы думали!.. Да вот прочитайте лучше сами. Это старший пишет.

«Дорогая мама, с армейским приветом к тебе и наилучшими пожеланиями твой сын Виктор.

Получил, мама, вчера твое письмецо и все думаю и думаю о тебе. Какая ты у нас замечательная! Маленькая, а вырастила двоих крепышей. Да мы тебя, мама, если понадобится, схватившись с Валентином за руки, пронесем по всему свету людям напоказ.

Я сейчас представляю твою жизнь. Ведь ты только для нас с Валей и жила. Всегда ты озабоченная, всегда занята работой, лишь бы мы были одеты, обуты и сытно накормлены, лишь бы сиротство свое не почувствовали. А как ты боялась за нас, когда мы стали подрастать! «Будьте честными, правдивыми, смелыми», — не уставала ты говорить нам. И откуда у тебя силы брались выходить нас, вырастить?

Так вот, мама, я решил вызвать Валентина на соревнование по созданию тебе хорошей, спокойной жизни в пределах, конечно, наших теперешних возможностей.

Вызов братишка принял. Значит, жди результатов соревнования. Мы всю жизнь перед тобою в долгу, мама!»

— Вот какие они у меня выдумщики, чего не придумают!

Прочитала я это письмо раз двадцать, наплакалась вдоволь. Жалеют меня, родные мои. Однако между близкими людьми какие же счеты, кто перед кем в долгу?

Живу, стало быть, и все вроде чего-то жду. И вдруг — бац! — на пороге офицер.

— От старшего сына к вам с поклоном!

Засуетилась от радости, не знаю, где посадить дорогого гостя. Расспрашиваю, как там Витя, здоров ли, хорошо ли служит. Расхвалил офицер моего Витю, можно сказать, аттестат с отличием выдал. Подает нам с отцом подарки: отцу две рубашки шелковые, мне гарнитур белья. Да что ж это такое, на свое солдатское жалованье ведь купил! Небось не месяц и не два экономил.

Знакомые меня встречают и узнавать перестали, удивляются: «Цветешь, Марфа Васильевна, молодеешь!» Да, и молодею. Все хвори от меня отступили.

Не замедлил и Валя о себе напомнить, да еще как напомнить! Недаром вызов соревноваться принял. Хлопотал он там, оказывается, через командование о новой комнате для семьи. Слов нет, тесновато живем и сырость бывает.

Так вот уведомляют меня: к маю комнату получу.

А этим летом собралась я моряка проведать. Учился он тогда в морской школе.

Поехала, разыскала училище, иду, смотрю стоит у ворот матрос с винтовкой. Батюшки, да это ж мой Валя! Вырос он на морском пайке, плечистый стал, ну, а черные кудри его сбриты.

Пригласил меня к себе начальник школы и говорит: «А я вас, мамаша, несколько иной представлял... Валентин Бурнос у нас всей художественной самодеятельностью заправляет, он очень начитанный и развитый. Спасибо вам, большое спасибо за сына, за то, что вы, простая женщина, дали ему такое воспитание. Валентину Бурносу можно поручить любое задание».

Опять мне выпадает радость, и все через детей! Только насчет начитанности и всего прочего нужно Евдокию Сергеевну Лазареву благодарить. Это она моих сыновей к самодеятельности приохотила и через то развитие им дала.

Евдокия Сергеевна сама перед войной в театральной студии при заводе занималась и, помню, очень хорошо играла.

Мои ребятишки всей душой к ней привязались и слушались ее во всем.

Переписка теперь идет между ними самая горячая. Ну, а я никогда не препятствовала их занятиям, не мешала, верила, что они там добру научатся, с пользой время проведут. Вот и вся моя заслуга

Навидались мы с Валей, наговорились. Он меня с товарищами своими перезнакомил. На прощание спрашивает с улыбкой:

— Когда, мама, будешь подводить итоги нашего с Виктором соревнования?

— Не скоро, — говорю.

— Правильно, — отвечает. — Наше с ним соревнование на всю жизнь рассчитано, запомни мое слово...

МАЧЕХА

Не скрою, с Валентиной Ивановной меня познакомили как с мачехой пятерых детей, с которыми она не могла или не захотела наладить нормальных отношений.

Среди невзрачной обстановки — весьма убогих столов и захватанных табуреток расчетной части, где все работали в сатиновых халатах, — Валентина Ивановна выглядела довольно ярко: крепдешиновое цветное платье ловко сидело на ней, ноги обуты в модельные белые туфли на высоком каблуке.

Собой она худощавая, стройная, русые волосы тщательно завиты на концах. Продолговатое лицо ее без румянца, но с приятными чертами.

Вскоре я узнала обстоятельства ее несколько запоздавшего замужества. Рассказывали, что Валентина Ивановна вышла по любви, а не по расчету, и пятеро полуосиротевших детей ее не испугали. По крайней мере так она говорила всем.

Когда-то по путевке комсомола Валентина Ивановна каждое лето ездила в пионерские лагеря и с тех пор была убеждена в душе, что работа с детьми, а не бухгалтером, ее истинное призвание.

А тут вдруг такие обстоятельства: не чужие, а почти свои дети, его, Николая Алексеевича!

Николай Алексеевич Петров овдовел в тридцать

шесть лет, младшая дочка его осталась после матери грудной, но он не спешил жениться. Это еще больше поднимало его в глазах Валентины Ивановны.

А он и не догадывался о ее чувствах, хотя каждый день они виделись на работе.

Слухи о том, что Николай Алексеевич скоро сделает свой выбор и приведет детям вторую мать, ошеломили Валентину Ивановну. Она знала ту женщину, считала ее эгоистичной, мелочной и уж совсем не подходящей в жены многодетному вдовцу. Едва ли она сможет полюбить чужих детей. Нет, конечно. И не будь Петров видным человеком на заводе, не имей он отдельную квартиру и другие блага, разве та решилась бы выйти за него? Тут действовал только расчет, а не бескорыстная любовь.

И Валентина Ивановна сделала смелый шаг: она написала Николаю Алексеевичу откровенное письмо, прося в нем встречи.

В общежитии, где жила Валентина Ивановна, только ахнули, когда она заявила, что вышла замуж, и в подтверждение этого показала свой новый паспорт с другой фамилией. Впрочем, всегда и во всем Валентина Ивановна проявляла себя как очень энергичный человек.

На первых порах в семье Петровых эта неуемная энергия и пристрастие к командованию не сослужили ей пользу, а, наборот, восстановили против нее старших детей.

Началось все с уборки в доме. Трое суток с небольшими перерывами на сон и на еду Валентина Ивановна мыла, скребла, чистила в запущенной квартире, окружив себя не весьма довольными помощниками.

Когда порядок был, наконец, водворен, она распределила между всеми членами семьи дежурства по комнатам и кухне: ведь она не собиралась бросать работу, а главное, растить из детей белоручек, не умеющих даже обслужить самих себя.

Вот тут-то и возникли неприятности.

— Да что мы, домашние хозяйки, что ли? Или

в казарме живем? — заявил ей Сережа. — Не хватает еще по дудке вставать.

«Верно, — писала в своем дневнике Таня, старшая дочка Петрова.— При маме по дому мы никогда ничего не делали, особенно мальчики. Я понимаю: так нехорошо и нельзя. Но Валентина Ивановна могла бы нам хотя бы иначе сказать об этом...»

Таня — худенькая, робкая и очень застенчивая на вид девочка. Глубоко посаженные большие черные глаза ее всегда немного влажные, словно недавно плакали, взгляд их грустен и задумчив.

Она неразговорчива, редко смеется, зато уж если улыбнется, все личико ее будто озарится.

Братья не похожи на нее: они, как отец, светловолосы, кудрявы и любят пошуметь, поспорить между собой.

Старшую сестру они не столько побаиваются, сколько уважают. Таня хорошо учится, и братья частенько обращаются к ней за помощью.

Вот и сейчас не успела Таня сесть за письменный стол, разложив тетради, как Сережа с Сашей выключили приемник и ушли на кухню, чтобы не мешать сестре.

А Таня, перелистывая дневник, даже не заметила этого. Дневник начинался со стихов и ярких ро-

зочек, нарисованных ею. Думала ли она тогда, какое непоправимое горе скоро выпадет ей на долю?..

«Я не верю, не хочу верить, что мама навечно покидает нас. А как же мы, что будет с нами?» — прочитала Таня на одной из первых, чуть пожелтелых страниц тетради.

Целых три года она не смела, боялась касаться их. И вот боль, кажется, утратила свою жалящую остроту, но зато и память тоже начинала сдавать. Смутно, как будто через дымку, припоминалось лицо живой мамы со слабой, уже болезненной улыбкой, ее исхудалая рука на одеяле. На портрете в рамке мама совсем иная: с веткой черемухи в волосах, с полными щеками.

«Маме приносят кислород из аптеки, — читала она дальше. — Ее тяжелое, хриплое дыхание разносится по всему дому. Я отупела от горя. А в прошлом году в это время у нас была елка и здоровая мама веселилась вместе с нами. Помню, как папа, наряженный в Деда Мороза, напугал нас, а потом обрадовал, раздавая из мешка подарки.

И сейчас у всех подруг моих справляют праздник, в комнатах пахнет хвоей.

Прощай, наша милая, родная незабываемая мамочка! Прощай! Возможно ли нам жить дальше без тебя, не знаю. Сегодня кажется, что нет...» — заканчивалась страница со следами слез и оборванным уголком.

Таня не сразу перевернула листок. Полузабытые, оберегаемые воспоминания, которых она остерегалась трогать, с прежней силой горечи и боли вновь бушевали в душе Тани.

«...Больше года я не писала в этой тетради, — читала она несколько минут спустя. — Не хотелось, не могла. А мама завещала мне быть твердой, беречь маленьких.

Мы живем по-прежнему одни с папой и кое-как справляемся с хозяйством и Аннушкой. Но учиться от этого хуже я себе не позволяю.

Только стихи я больше не пишу. Что-то случилось со мной после смерти мамочки... И петь я не могу, боюсь заплакать».

«Сегодня я получила паспорт, который храню вместе с комсомольским билетом. Вот я и взрослая. Папа впервые купил мне духи, те же самые, любимые мамой».

«Так, значит, это правда: отец собирается жениться. Зачем ему понадобилось, не понимаю. Аннушка уже отошла от рук, по целым неделям в детском саду, и мы все далеко не беспомощные.

Сережа с Сашей говорят, что они ни за что не станут называть ее «мамой». Она живет от нас неподалеку, с сыном.

Впрочем, папа еще ничего не говорил нам. Сегодня наберусь храбрости и спрошу его».

«Ложь, неправда. Он сказал, что нет, но почему-то все-таки добавил:

— Разве тебе не нравится эта женщина?

— Не нравится, — не колеблясь, ответила я. — Мне и Сереже с Сашей.

Папа молчал, о чем-то размышляя. Потом он заговорил снова, попросив выслушать его и понять:

— Без хозяйки в доме прожить нам очень трудно, как мы ни стараемся. Вова с будущей осени начнет учиться, затем — Аннушка. Кто будет следить за ними? А ты сама? Ты просто устала, и я не имею права, не хочу весь груз большой семьи взваливать на твои плечики. И боюсь за малышей, у них же ненормальное детство.

Я много думала в эту ночь, плакала, вспоминая маму...»

«Опять долго не писалось. Много изменений в нашей жизни. Папа женился, правда не на той, а на Валентине Ивановне. Я смирилась с мыслью, что этого не избежать. Но вот как мы уживемся

с ней? Папа просит меня быть «объективной». Я постараюсь.

Аннушка и Вова привязались к Валентине Ивановне с первого дня. Они маленькие, им хорошо».

«В выходной на огороде, куда мы поехали всей семьей, случилось неслыханное... Сережа некрасиво выругался при Валентине Ивановне (я была в стороне) и не захотел извиниться.

Папа стукнул Сережку, вернее толкнул его в грудь, и в ту же секунду Сережа поднял руку на папу...

А вчера из завкома к нам пожаловала какая-то комиссия по этому поводу.

Папа чувствовал себя словно на горячих угольях, хотя больше всего обращались к Валентине Ивановне. Это мне показалось совсем не честным, не она ведь, а папа ударил Сережу.

Затем и нас замучили расспросами: как мы жили с мамой и как нам живется теперь? Тетки препротивные и, по-моему, зря суют носы не в свои дела. Но вот зачем Валентина Ивановна горячилась с ними?..»

«В доме у нас теперь как после похорон. Папа сердится на кого-то из нас, я догадалась почему: он решил, что мы ходили жаловаться.

Я спросила Сережу с Сашей, они глаза вытаращили от изумления. Да, наверняка это проделки «заботливых» соседей.

График дежурств не выполняется. Работает одна Валентина Ивановна, ну и помогаю ей я.

После школы домой идти не хочется. Жаль, что я учусь еще в девятом классе. Завидую Сереже: он заканчивает ремесленное».

«Валентина Ивановна купала в ванне Аннушку. У меня Аннушка при этой процедуре всегда капризничала, а тут заливалась колокольчиком. И Валентина Ивановна, слышно было, дурачилась с ней, как маленькая.

Саша не выдержал, сунулся посмотреть, почему они так весело хохочут и визжат.

Валентина Ивановна, оказывается, очень веселый человек, а разве веселый может быть злым?»

«Сережа продолжает демонстративно не садиться за стол вместе с папой, ест украдкой и все всухомятку.

Помню, мама часто говорила об упрямом характере Сережи и добавляла при этом, что она боится ломать его, что нужно подходить к сыну с лаской. Они часто на эту тему ссорились с папой. Мама называла Сережу «трудным мальчиком».

«Валентина Ивановна купила разного материала (я слыхала от папы, что она забрала со сберегательной книжки свои накопленные полторы тысячи рублей) и начала по очереди обшивать нас, а то мы и правда обносились.

Мне она сшила желтое шелковое платье. Всем девочкам оно очень понравилось. Ничего не попишешь: шить она умеет. И папе костюм перелицевала.

Саше сшила спортивного покроя серую куртку и черные брюки, а Сережа не дал снимать с себя мерку. Вот тут уж он был не искренен: я-то знаю, какой он у нас щеголь».

«Вторую неделю болею гриппом, и Валентина Ивановна не ходит из-за меня на работу.

Не знаю, притворяется она или на самом деле ухаживает за мной от души, только мне очень хорошо с ней. Да, но почему я написала это противное слово — «притворяется»? Мне стыдно за него. Это идет от соседки, которую я не люблю и зову про себя «попадьей», а почему-то слушаю ее наветы на Валентину Ивановну. Надо уметь придерживаться своих мнений, дорогая Татьяна Николаевна! Постараюсь».

«Сегодня ночью мне не спалось, очевидно потому, что выспалась днем, и я, не желая того, подслушала разговор Валентины Ивановны с папой. Через тонкую стенку да еще в тихой квартире он был хорошо слышен.

Валентина Ивановна плакала и просила у папы совета, как ей держаться дальше с Сережей.

— Боюсь, озлобится мальчик, уйдет из дому, а там жди всяких неожиданностей. Да и ты, Коля, помирился бы с ним. Мне жалко его, — продолжала она сквозь слезы.

Я крепко уткнулась лицом в подушку, чтобы не разреветься вслух и не выдать себя».

«Я не удержалась, рассказала по секрету Сереже про ночной разговор Валентины Ивановны с папой. У Сережи нехорошо блеснули глаза, и он заявил мне: «Чудесненько!»

— Что ты хочешь сказать этим, Сережа?

— Да ничего, пустячок, — отмахнулся он от меня и ушел, насвистывая, засунув кулаки в брюки.

После его ухода в комнате долго пахло табаком. Значит, курит украдкой, бессовестный».

«Пишу на следующий день. Я почти на ногах, но не в этом дело. Сережа забрал свои вещички и улизнул из дому к товарищу. Вот как он воспользовался моим рассказом «по секрету».

Валентина Ивановна совсем потерялась от неожиданности, и они крупно поговорили с папой.

— Я член парткома, ты понимаешь это? — кричал он ей. — Ведь тебя «мачехой» назовут на заводе.

И тут я не узнала Валентину Ивановну. Она совсем не похожа на нашу тихую маму, она вдруг сбросила поднос со стола и принялась кричать не хуже папы:

— Пусть называют сколько угодно, на всех не угодишь! Мачеха! Подумаешь, испугал! Конечно, мачеха, а не родная мать. Что же дальше? Но я хочу заменить детям родную мать, я клятву себе дала. Хороших людей хочу вырастить из твоих ребятишек. Неужели ты не веришь мне, не видишь? Так помоги мне, как отец, а не паникуй. А ты перетрусил. Сережа какой номер выкинул... Ради чего? Что он этим хочет доказать? Его скоро в комсомол принимать будут. Не похвалят ведь за это...

Отец присмирел, извинился и, кажется, успокоился. Он подсел ко мне на кровать, затем то же самое сделала Валентина Ивановна, и они оба, как, бывало, папа с мамочкой, стали целовать меня в голову...

В первом часу ночи, благо завтра воскресенье, Валентина Ивановна, не позволив мне после болезни помогать ей, вымыла во всей квартире пол, убралась. Я лежала, не спала, а папа похрапывал на диване.

Валентина Ивановна придвинула к моей кровати тумбочку, собрала поесть. Рассветало, через раскрытую дверь балкона доносились гудки с Волги и веяло свежим утренним ветерком, пропитавшимся запахом реки и разогретого за день песка на берегу.

Впереди лето, каникулы, переберусь-ка я в шалаш на огород и буду жить там. И на огороде поработаю и накупаюсь вдоволь.

— Вы отпустите со мной Сашу? — спросила я Валентину Ивановну.

— Охотно отпущу. Но, Танечка, почему же «вы»? Зови меня на ты, если хочешь, конечно.

Я пообещала, однако не тотчас привыкла, все сбивалась.

Валентина Ивановна принялась мне рассказывать о своей жизни. Нелегкая она у нее. Отец погиб от кулацкой финки, мама долго хворала с горя.

— А сейчас бабушка где? — спросила я.

— Мама все там же, в родной деревне у дальней родственницы хозяйничает. Переписываемся с ней.

— Вот если б бабушка смогла приехать к нам! — вырвалось у меня.

У Валентины Ивановны радостно вспыхнули щеки.

— Ты от души сказала это, Танечка? — переспросила она меня, взяв за руку. — Признаюсь тебе, я была бы очень рада, да и она тоже. Разве маме там жизнь?..

— Так за чем же дело стало, Валентина Ивановна? Написать ей нужно, позвать. Я всегда завидую девочкам, у которых бабушки живут. Уютные они

какие-то, ласковые, в очках ходят и обязательно что-нибудь вяжут.

Валентина Ивановна рассмеялась и бросилась обнимать меня своими тонкими сильными руками, шепнув:

— Поговори с папой, Танечка, сама. А бабушка вам понравится, она простая, добрая, мухи не обидит!

Вот как все, выходит, обернулось! Валентина Ивановна просит у меня участия и даже помощи. А меня-то «мачехой» пугали.

Хорошая Валентина Ивановна, деликатная, хотя не сладко ей приходилось в жизни. Ни детства, ни юности позади, а уже прожито тридцать лет. Так неужели ей и сейчас у нас не повезет? Ну нет, я не дам ее в обиду ни Сереже, ни соседкам — никому не дам. Торжественно обещаю это!»

«Из-за Сережи поднялась уйма разговоров вокруг нашей семьи. Валентина Ивановна порывалась было сходить за ним и звать его домой, но мы с папой настояли подождать денька два. Я узнала стороной, что у товарища не очень-то ему рады и он ходит, повесив задиристый нос.

А у нас весело, дружно. Экзамены я сдаю на «отлично».

Валентина Ивановна загорелась мыслью учить меня игре на пианино. «Для девочки необходимо», — твердит она.

Она выяснила, что инструмент можно взять напрокат. Папа собирается хлопотать.

Бабушке в Сибирь полетела телеграмма, чтобы она немедленно выезжала. У меня было бы совсем хорошо на душе, если бы не история с Сережей. А что, если мама была права и с ним нельзя поступать резко, лучше действовать лаской? Ведь он в общем неплохой. Может, мне сбегать к нему украдкой?»

«Увы, вернее — ура! Валентина Ивановна опередила меня! Я увидела их с балкона шагающих вдвоем, с нагруженными продуктами сумками.

Сегодня Сереже стукнуло шестнадцать, а такие даты решено отмечать торжеством.

Произошло все очень просто: Валентина Ивановна зашла к товарищу в дом и позвала Сережу, не сделав ему никаких выговоров и не прочитав нотаций. Сережа обрадовался, он все четыре дня скучал о нас.

Папа приготовил ему сюрприз: купил настоящую лодку у рыбака, правда требующую ремонта.

— Но это даже лучше, — ликовал Сережа. — Я с двумя руками, и сам починю, сам покрашу, сделаю ее как новенькую.

Валентина Ивановна наказала всем нам ни о чем не расспрашивать Сережу, как будто он никуда и не уходил».

«Неделя как приехала бабушка. Она расчудесная: во-первых, в два моих обхвата шириной, во-вторых, от нее так и пышет добротой и домовитостью.

— Ай да Валентина, ай да дочка, ну и молодец, сразу пятерых внучат бабке подарила! — заговорила она, перецеловав нас всех при встрече и угощая деревенскими гостинцами: твердыми, словно камни, пышками, но с чаем очень сдобными и вкусными.

А какие она нам стала варить чудесные борщи и стряпать сибирские пельмени!

Перед папой она просто благоговеет, как она говорит, за его ученость, а вот Валентине Ивановне иногда от нее достается. Бабушка любит временами поворчать, когда ей вдруг покажется, что кто-то

недостаточно экономен в расходах или небрежно относится к вещам. Самое интересное тут в том, что она и Валентину Ивановну отчитывает наравне с нами. Вот, вероятно, почему мы на бабушку никогда не обижаемся.

Никакого графика дежурств она не признает, больше того, прочитала Валентине Ивановне целую мораль на эту тему:

— О том ли тебе надо было заботиться, Валентина? О чистоте ли в горницах, или как детей, сироткнушек, к себе расположить, семью укрепить? Ну-ка, поразмысли...

И она решительно сорвала со стены график.

— Да мне и без твоего указа ребятишки помогут!

И верно, Сережа с Сашей всегда бабушке дров наколют для плиты, вынесут ведро с мусором, в магазин сбегают.

Но самое потешное случилось на днях. Валентина Ивановна купила себе дорогие духи и показала их бабушке. Бабка запричитала:

— Ну, слыханное ли дело, чтобы такие расходы на душистую водичку!.. Полсотни отвалила, и рука у тебя не дрогнула, — и т. д. и т. п.

Сережа слушал, слушал и, не вытерпев, заговорил:

— Вот что, бабуся, кончай свою критику. В духах ты человек, можно с уверенностью сказать, не компетентный. А каждой женщине духи необходимы — значит точка.

— Как! Бабке рот затыкать вздумал? — вскипела бабушка, но, взглянув на наши улыбающиеся лица, только рукой махнула».

«Нам привезли пианино. Беру уроки музыки на дому у учительницы.

Сережа как-то сказал Саше:

— Молодец наша мать, старается для нас — будь здоров!»

«Прощай, лето, прощай, милая Волга! Начинаю последний десятый класс. Все мы хорошо отдохнули, загорели. Бабушка приохотила нас ходить в лес за грибами. Насолили их целую бочку.

Сережа приступил к работе, он закончил на токаря, а по вечерам собирается учиться в техникуме.

Валентина Ивановна за лето очень сжилась с нами, а про бабушку и говорить нечего. Валентина Ивановна принесла к нам в дом благополучие», — такой записью заканчивались последние строчки дневника Тани.

Простые, дружеские отношения, не лишенные почтительности младших к старшей, установились между Валентиной Ивановной и детьми.

Николай Алексеевич как отец о большем и мечтать не смел. Валентина Ивановна тоже была весьма довольна своей изменившейся жизнью и считала себя вполне счастливой.

Но встречались люди, которые при случае наговаривали ей, что вот, дескать, обшивая и обмывая такую ораву детей, она не задумывается в простоте душевной, ответят ли они ей потом благодарностью за все это. Кто знает, ведь она им все-таки не родная мать.

— Ответят и даже очень ответят, — уверенно возражала Валентина Ивановна и пресекала подобные разговоры. — А я меньше всего думаю об этом!

— Да вас старшие мамой не зовут...

— И не нужно. Мать бывает единственная у каждого человека, и тут уж ничего не поделаешь. Назо-

вут, может быть, когда-нибудь, если заслужу, — без всякой обиды добавляла Валентина Ивановна.

Несчастный случай на огороде, когда Валентина Ивановна, сажая кусты черной смородины, заступом рассекла себе ногу, стал для нее по-своему счастливым событием.

Валентина Ивановна не придала большого значения ранке, но на следующий день почувствовала жар, и ее пришлось на скорой помощи отвезти в больницу. Всю ночь в семье никто, кроме Аннушки и Вовы, почти не спал. Таня украдкой плакала, Саша писал что-то, прикрывая листок левой рукой. Сережа нервно расхаживал по комнате и, уже не таясь, курил папиросу за папиросой.

— Ах, черт, ну надо же так неудачно стукнуть себя по ноге! — заговорил он вслух, как бы сам с собой. — Уж лучше бы кто-нибудь из нас заболел. Да я бы, пусть бы я отхватил себе полноги! И заметьте, ребята, все-то она работает, все-то ей мало. Днем на заводе — нарядная всегда, приятно поглядеть, вечером шьет или на огороде копается. Вот уж действительно, как скажет бабка, «устали не знает». Ох, если теперь кто из соседей паче чаяния назовет ее «мачехой» — пощады не дам! Правильно я говорю?

Длинноногий, худой, порывистый в движениях, Сережа смотрел несколько исподлобья своими большими карими глазами, ежеминутно стряхивая со лба спадающие кудри, и ждал одобрения своим словам.

Таня не замедлила ответить: «Да», — а Саша словно не слышал брата, он не отрывался от карандаша и бумаги. Сергей молча остановился перед ним, тонкие брови его взлетели вверх:

— Ты что, Сашка, не согласен со мной?

— Согласен, — ответил баском Саша, продолжая плотно и прямо сидеть на кончике кровати. — Вот посмотрите с Таней, что я написал тут в письме, — проговорил он, протягивая брату бумагу. — Завтра предлагаю передать его в больницу для моральной поддержки, так сказать...

Сережа взял письмо.

— «Дорогая мама! — прочитал он вслух. — Да да, отныне — мама — и никаких. Поправляйся, мама, быстрее, мы все очень перепугались за тебя и вот не спим ночь. Ты нам стала совсем родная. Не думай, что мы бесчувственные сухари какие-нибудь и не умеем разобраться, что к чему. Нет, умеем и даже очень.

Вы, Валентина Ивановна, настоящий Советский Человек с заглавной буквы, а не злая мачеха из сказки.

Мама, извини нас, если вначале мы тебя встретили не совсем приветливо, а Сережа даже номер выкинул. Больше такого не будет никогда. Он сам не рад. Я пишу, он мечется по комнате. Он у нас такой!

Итак, поправляйся скорее, мама, очень ждем тебя».

— Молодцом, и про меня верно, — сказал, прочитав, Сережа. — Перепиши давай аккуратненько, и мы подпишемся. Небось приятно будет получить наше письмецо.

* * *

Прошло десять лет. В семье Петровых все были здоровы, все живы, но в двухкомнатной их квартире стало куда свободнее. Трое старших детей: Таня, Сережа и Саша — улетели из семейного гнезда.

Татьяна Николаевна, закончив медицинский институт, работает врачом в Казахстане, Сергей служит в армии, Саша трудится на одной из шахт Подмосковья и учится в вечернем институте.

Письма, телеграммы, поздравительные открытки, не переставая, летят в адрес Петровых.

Они начинаются приблизительно так:

«Дорогие мама, папа и бабушка!»

Затем следует: «Мама, получил твое письмо, за которое спасибо, и тысячу раз спасибо за то, что ты когда-то нас, полуосиротевших ребятишек, согрела любовью матери. Мы гордимся, мама, тобой и будем всю жизнь благодарны тебе. Такое не забывается никогда...»

ТЕТЯ СОНЯ

На похороны отца Софья Васильевна вызвала детей телеграммой.

Эта смерть не была для нее неожиданностью: муж болел второй год раком желудка и врачи говорили, что он обречен. Все же, как она ни готовила себя к такой минуте, боль утраты словно парализовала ее. Спасибо, нашлись добрые люди, позаботились обо всем необходимом.

Старого железнодорожного мастера Климова в поселке знали все. И у Софьи Васильевны с тех пор, как она вышла замуж, здесь, в желтом привокзальном домике с палисадником у окон и огородом позади, прошла вся ее жизнь. Тут родились ее трое детей: два сына и дочь; в этом доме они выросли, затем отсюда, окончив школу, уехали в Москву.

Мастеру непременно хотелось дать детям высшее образование, о котором он сам когда-то страстно мечтал.

Мечта осуществлялась, но жизнь его от этого не становилась лучше. Выходило так, будто они с женой по доброй воле сами себя обрекли на одиночество. Ведь, получив дипломы инженеров, сыновья уже не вернулись в дом, им было просто нечего делать на затерявшемся полустанке.

Сыновья женились, обзавелись детьми и накрепко осели в столице.

Мастер к тому времени уже был на пенсии, и ничто не мешало ему сняться с места и переехать поближе к сыновьям, понянчить внуков. Оставалось лишь подсмотреть дачку под Москвой, на которую он отдал сыновьям все свои сбережения.

Однако с покупкой дело не спорилось: то денег не хватало на облюбованный домик, то не нравилась местность.

Отец сердился на неповоротливость сыновей, торопил их в письмах и уже готов был сам заняться дачей, но тут болезнь уложила его в постель...

Софью Васильевну больше всего удручало одно: где же ей теперь придется век доживать? Неужели вдали от детей, с вечной тоской на душе, среди сразу опостылевшей ей старой мебели, скрипучих дверей, что навсегда закрылись за мужем?..

Сыновья с женами уезжали завтра утром, и нужно было переговорить с ними сегодня же, решить все. Жалко, что Капочка по делам службы находилась в командировке, не смогла приехать попрощаться с отцом, да и как не хватало к тому же ее слова на семейном совете.

Почтительно-уважительные, но не согретые сердечностью отношения снох к Софье Васильевне не особенно располагали ее поселиться у них. Лучше всего, конечно, жить у дочери. А вот как быть с дачей? Свой угол для старой матери, где она может чувствовать себя ни от кого не зависимой, не помешает никогда.

— Ах, напрасно, мама, ты нас обижаешь, — заговорил Володя, обнимая мать за плечи. — Тебе ли беспокоиться о каком-то угле, когда к твоим услугам целых три. У кого хочешь живи, ты везде дома!

«А вот как твоя Татьяна запоет?» — думала Софья Васильевна, наблюдая за широкоплечей, светлобровой, всегда как будто с застывшим лицом, молчаливой подругой сына.

Но и она оживилась, коснулась руки свекрови.

— Вы наш самый дорогой гость, мамаша.

«Бог с ней, с дачей-то, проживу и без нее, много ли мне одной надо? — сдаваясь, думала Софья Васильевна, тронутая лаской Татьяны. — Распродам барахлишко, сниму урожай с огорода и уеду. Может, еще и со снохами уживусь, мало мы знаем друг друга...»

Дорожными спутниками по купе Софье Васильевны оказались обходительные люди. Ее грустное лицо, седые волосы, уложенные в большой пучок, и то, что она часто, задумавшись, стояла в коридоре у окна, вызывали у них участливое отношение. Они заказывали ей чай, покупали на станциях молоко и вообще всячески старались развлечь старую женщину, когда узнали, что она недавно похоронила мужа и вот едет к детям, на новую жизнь, которая еще неизвестно, как сложится, и это ее очень волнует...

На московском вокзале Софья Васильевна сразу увидела разрумяненную, в пушистой шапочке дочь и постучала ей в окно.

Капочка вошла в вагон, поздоровалась с матерью.

— А ты разве одна? — спросила Софья Васильевна, обнимаясь с дочкой.

— Одна. Володе не дозвонилась, а Коля передает извинения, он очень занят.

«Вот как?!» — с удивлением подумала про себя мать.

Капа жила в небольшой комнатке, но зато в хорошем, со всеми удобствами доме.

— Пей, ешь, мамочка, а я побегу. На два часа всего отпросилась. Вечером наговоримся обо всем. Ах, как я рада, что ты приехала! — проговорила она уже за порогом комнаты.

Оставшись одна, Софья Васильевна невольно даже всплакнула: не так они, бывало, принимали у себя детей, не так...

Сыновья приехали повидаться с матерью на второй день, прямо с работы, на полчасика всего. От жен поклоны передали, а внуков обещали привезти в другой раз. О том, где удобнее всего устро-

иться матери, разговору ие поднимали, зато о даче сказали сразу, что оиа никому ие иужиа и поэтому предназиачеиные иа покупку деиьги они поделили между собой на три доли: тихо, мирио, честь по чести.

— У меня теперь, зиачит, ии кола ии двора...— тихо проговорила Софья Васильевиа, ошеломлеииая таким известием. — А где же мне жить прикажете? — спросила оиа, иесколько повысив голос. — Надо бы все-таки было со мной посоветоваться...

Сыновья сидели перед матерью смущениые, словно провииившиеся мальчики, а уже с седииой в русых волосах, солидиые мужчины в добротиых костюмах, возможио куплениых иа их с отцом деиьги, и молчали.

Молчала и Капочка — ее единственная дочка.

У Софьи Васильевны потекли по щекам слезы.

— Володя, Коленька, да что же это вы в молчанку играете? — воскликнула она вдруг, напуганная своими тяжелыми мыслями.

Она привыкла думать о своих детях с нежностью, привыкла гордиться ими. Они хорошо учились, хорошо вели себя, и им с мужем завидовали многие родители.

Из Москвы Володя с Николаем, затем Капочка всегда аккуратно писали письма, а каникулы или отпуск неизменно проводили дома, и ни отец, ни мать ничего не могли заметить за ними плохого.

Сыновья бросились утешать мать.

— Ну что ты, мамочка, из-за чего расстраиваешься? Придет время, мы не дачу, а две-три купим! А пока живи у нас по очереди, разъезжай, путешествуй. С внуками занимайся. Мы все очень любим тебя и всем сердцем рады, что ты с нами.

— Значит, мир, значит, дружба? — подытожил Володя и вытащил из кармана пиджака ореховую, немного обмякшую шоколадку для матери. — Вот с завтрашнего же дня и начинай, мама, визиты.

— Хорошо, начну, — пообещала мать.

У Володи ни жена, ни теща не постарались даже придать себе вид радушных хозяев. Татьяна как сидела, распарывая свое поношенное платье, так и продолжала сидеть, вяло поддерживая разговор.

Мать Татьяны, угрюмая носатая женщина, с большими костлявыми, похожими на клешни краба руками, принялась вдруг обтирать тряпкой пыль с мебели, как будто другого времени у нее не нашлось для этого.

Вернулись из школы дети: мальчик и девочка, оба похожие на отца.

У Софьи Васильевны радостно забилось сердце, но они чинно поздоровались с малознакомой бабушкой, и мать тут же усадила их в соседней комнате делать уроки.

— А, мама у нас! Здравствуй, здравствуй, — закричал из прихожей Володя и, не снимая пальто,

зашел в комнату поцеловаться с матерью. — Ну, как ты находишь мою новую квартиру, нравится тебе у нас? — спросил он.

Софья Васильевна похвалила квартиру, мебель и вышивки снохи.

Накрыли на стол. Володя распечатал бутылку красного вина «в честь приезда матери», как огласил он, разлил по рюмкам. Сидели, к еде не приступали, ждали тещу, она что-то замешкалась на кухне.

— Сходи поторопи ее, — послал Володя жену.

Татьяна молча встала и ушла. Из кухни донеслись раздраженные голоса.

— Таня, да что вы там не поделили? — крикнул Володя, заметно встревоженный, и, извинившись перед матерью, отправился узнать, в чем дело.

Самолюбивая теща плакала навзрыд, с причитаниями, что она отныне тут больше не хозяйка, раз пожаловала родная мамочка на готовенькое... Она зятю детей вырастила и квартиру в чистоте содержит, а ее не изволили за стол пригласить!

— Ну, знаете, мамаша, не ожидал от вас! Десять лет у нас живете и все десять без приглашения обходились, а сейчас вам приглашение зачем-то понадобилось! — вскипел было Володя, но его немедленно осадили побелевшие от гнева глаза жены.

У Софьи Васильевны дрожали слезы на ресницах, пока она сидела в одиночестве, прислушиваясь к крику на кухне. Отдельных слов нельзя было разобрать, но она и так отлично понимала, отчего разбушевалась мать снохи.

Через несколько минут выскочил из кухни сын, за ним Татьяна с еще не успевшими остыть от волнения лицами.

Теща к столу так и не вышла.

— Ну и прекрасно, без нее обойдемся, — проговорил Володя, подвигая матери хлеб. — Кушай, мамочка.

Софья Васильевна не загостилась у сына. Надевая в прихожей пальто, она поцеловала сына в лысеющую голову, давая этим понять, что не сердится на него.

— В другой раз, мама, приезжай, сейчас, сама

видишь, нескладно получилось. Ты уж прости, пожалуйста, у тещи нервы, она у нас нездоровый человек.

Мать с грустной усмешкой посмотрела на сына.

— Скажи ей, твоей теще, пусть не волнуется, я не собираюсь жить у тебя. А приехать повидаться могу в любой день!

— Еще бы не могла! Я поговорю с ней, как надо, обещаю тебе, мама!

Старая женщина не помнила, как добралась до дому, то есть до Капочки. Какой у нее теперь дом?

На столе записка от дочери:

«Забегала на минутку, тороплюсь на комсомольское собрание. Без меня, мамочка, не скучай».

«Милая моя, вот где мое спасение! Бог с ними, с сыновьями. Известное дело — сыновья как женятся, так и переменятся, а дочь всегда ближе к матери. Володя мягкий по характеру, жены боится, а вдобавок еще теща капризничает...»

Софья Васильевна вымыла грязную посуду, оставленную на столе Капочкой, полила цветы, обломав на стеблях засохшие листья.

Из окна открывался вид на улицу, запруженную машинами, пешеходами. Женщине доставляло удовольствие смотреть на этот людской поток, который в первые дни ее немного пугал. То ли дело у них, в поселке! Все знакомы друг с другом, и жизнь каждого на виду.

Там, наверно, соседи частенько вспоминают ее в ожидании обещанного письма. А оно все никак не пишется. И она не виновата в этом.

Не знают они, как ей здесь непредвиденно плохо приходится, не знают и не могут себе представить, что происходит с ее захваленными детьми!

Кого же они вырастили с мужем? Отец до самой болезни не спешил уходить на пенсию, а она держала подсобное хозяйство, несмотря на больные руки... Все для них, для детей, старались!

А теперь они вроде бы тяготятся матерью, хотя у нее есть пенсия на кусок хлеба да и по дому она все может делать.

Но у Володи поселилась теща, у Николая жена не ужилась даже с родной матерью.

Значит, нужно смириться, перетерпеть боль. Не она первая и не она последняя. А у нее есть еще пристанище, есть Капочка, есть вот эта маленькая комнатенка, где она спокойно хозяйничает.

Она стирает на дочь, штопает, шьет, что попроще, пока глаза позволяют.

Дочь приходит всегда на готовое, целует ее, просит поесть.

Нет, Капочка не обидит ее, и на этом надо успокоиться, взять себя в руки, а то вон как нехорошо, с перебоями стучит сердце. Чего доброго умереть сразу не умрешь, а наскитаешься по больницам...

Софья Васильевна разобрала постель, легла отдохнуть до возвращения Капочки. На душе у нее как будто отлегло, дышалось полегче. Привычные хозяйственные соображения, что купить завтра на обед и чем повкуснее накормить дочь, вытеснили из головы все остальные мысли.

Через день, собравшись с силами, Софья Васильевна отправилась к Николаю.

Николай жил тесновато, но в достатке. Софью Васильевну встретили приветливо: накормили, напоили и разговором не обошли. Целый вечер жена Николая, маленькая миловидная шатенка с толстой косой вокруг головы, только и делала, что на все лады «распекала» мужа за то, что он, по ее словам, позволил обмануть себя старшему брату при дележе дачных денег.

Софья Васильевна слушала-слушала и не выдержала:

— Меня совсем в счет не взяли, голубушка, и то помалкиваю...

— Ну и зря, вам надо требовать свое.

— Требовать? — спросила мать. — С кого? Нет уж, видно, поздно. Вы куда эти деньги дели? Истратили на наряды? Так... Володя купил новую мебель, Капочка — каракулевую шубку. Вот и получается, милая моя сношенька, догоняй вчерашний день!

На обратном пути от Николая Софья Васильевна завернула к старшему сыну. Неужели и сегодня повторится такая же сцена?

Теща, оставив дверь на цепочке, чуть-чуть приоткрыла ее, выглядывая, кто к ним стучится.

— В театр все уехали, — буркнула она, узнав Софью Васильевну, и поспешила захлопнуть дверь.

Вот и все, в другой раз не сразу решишься приехать к сынку.

На скверах заботливые бабушки развозили в санках закутанных в башлыки и шарфы внучат, весело переговариваясь с ними.

Софья Васильевна невольно задержала шаг. Но ничего, выйдет ее Капочка замуж, родится внучка, вот тогда и она будет счастливой бабушкой!

Капочка в последние дни ходила хмурая, неразговорчивая, а сегодня, вернувшись в десятом часу вечера, передала матери привет от двоюродной сестры Вари и сказала, что была у нее в гостях.

— Как, разве она здесь? — спросила Софья Васильевна. — Ты мне, помнится, другое говорила. Из эвакуации она будто бы не вернулась.

— Нет, вернулась, живет неплохо, работает на такси шофером и ждет прибавления семейства. Да, кстати, мама, сколько тебе полных лет: шестьдесят три? А знаешь, ты выглядишь куда моложе.

— Бог с ним, с моим видом-то, а вот ревматизм меня совсем замучил и с сердцем неважно.

— Да, да, тебе нужно будет обязательно полечиться, ты мне напомни, я тебе растирание куплю, — заметила Капочка, глядя на мать с таким выражением, словно не решаясь что-то сказать ей. Румяное круглое лицо девушки пылало, а в глазах плавали искорки смущения.

Софья Васильевна с тревожным удивлением бросила быстрый взгляд на дочь. Капочка не выдержала его; опустила свои подкрашенные реснички и подозрительно долго не поднимала их.

У Софьи Васильевны учащенно забилось сердце

и непонятно откуда взявшаяся слабость подступила к ногам, завладела руками.

— Сядь, мама, сядь, — пролепетала Капочка, придвигая к ней стул. — Я хотела поговорить с тобой, мама, — добавила она, неприятно пораженная полуобморочным состоянием матери, хотя она еще ни слова не сказала ей. — Тебе нездоровится? Отложим до завтра... — колеблясь, предложила Капочка.

— Нет, нет, говори, — вполголоса, но настойчиво, вся подавшись вперед, попросила Софья Васильевна.

— Все очень просто, мама, я выхожу замуж, — дочь помедлила несколько, — это первое. Ну и второе. У Федора Ивановича... Короче: с Федей живет родная мать, вот какие обстоятельства, мама. Суди сама, как мне быть? Я советовалась с Володей и с Николаем, они пока взять тебя к себе не могут: жены возражают, теща и всякое другое... Да ты и сама знаешь. Но они, конечно, будут помогать тебе материально. Однако это не навечно, мама. Обстоятельства изменятся и у них и у меня. Кто знает? Мы еще вместе с тобой наживемся...

Опершись одной рукой о стол, Капочка склонилась над матерью, ища в ее глазах ответа. Погасший взор, в котором ничего нельзя было прочесть, устремленный куда-то в пространство, напугал Капочку. Она обняла мать, прижалась щекой к ее волосам.

Софья Васильевна продолжала сидеть неподвижно, сгорбленная; с обострившимися чертами, лицо ее казалось больным. Мать не отвечала на ласку дочери и не отвергала ее.

Помолчав, Капочка заговорила вновь, несколько отодвигаясь от матери, но зато взяв ее тяжелую натруженную руку в свои и умоляюще глядя в лицо:

— Одно твое слово, мама, и все останется, как было. Я не выйду замуж, откажу Федору Ивановичу. Ты извини меня, мамочка, что я тебе не сказала раньше о нем... Я сама ничего твердо не знала, а теперь я тебя познакомлю с ним. Так решай, мама! — повторила она, впрочем ни на минуту не сомневаясь в душе, какое решение примет ее старая добрая мама.

У Софьи Васильевны по щекам потекли слезы. Взгляд ее стал осмысленным, к глазам вернулся блеск. Вглядываясь в лицо дочери, всегда такое милое для нее и самое прекрасное на земле, она спросила с нежной улыбкой:

— Значит, поздравлять тебя надо, душенька моя?

Собственная боль ее отступила внутрь, перестала напоминать о себе. Судьба дочери, ее замужество и все, что связано с ним, разволновало и растрогало мать. Она обняла Капочку за голову, стала целовать ее кудрявые, по-мальчишески подстриженные волосы. Они все так же, как в детстве, чуть уловимо пахли мятой.

— Выходи за своего Федора замуж и будь счастлива с ним, девочка моя милая, — говорила Софья Васильевна, и в голосе ее зазвучала радость за дочь.— Обо мне не беспокойся, я тебе не помешаю, устроюсь как-нибудь.

— Мамочка, знаешь что, — осторожно произнесла Капа, перебивая мать, — Варя зовет тебя жить к себе, я бы посоветовала тебе согласиться, ведь не чужая она нам...

•

— Вот видите, как у нас еще бывает: трое хорошо обеспеченных детей спихнули старушку мать в няньки, — сказала мне при встрече Варя, племянница Софьи Васильевны. — Они, конечно, куда охотнее в богадельню бы ее определили, да от живых детей нелегко это сделать! И не стыдно им ни капельки, вот что странно. Капочка поначалу приезжала к нам такая сияющая, счастливая. С порога сразу предупреждала: «Я на полчасика всего, долго не задержусь! Федя просил поскорее вернуться!»

Не понимаю я ее счастья, неприятно оно мне! — воскликнула Варя, продолжая. — Кажется, каждую бы минуту помнила, что мама живет где-то обиженная, в чужих людях почти...

Что касается сынков, те и носа не показывали, не то что там какую-нибудь сотню матери дать! Старший, Володя, три тысячи в месяц получает, Николай от

него не отстает. Скупы для матерн нли жен своих боятся...

Тут нашн соседки подговаривают тетю Соню в суд на ннх подать, пристыдить перед людьми. Сами посуднте: живой она человек, обуться, одеться нужно, а что было старенькое — донашнвается. Тетя Соня, понятно, и слушать не хочет.

Ну, я не вмешнваюсь, это ее сугубо личное дело. Сама мать, понимаю, каково жаловаться на родных детей. А вот мужу своему наказала навестить монх двоюродных братиков н припугнуть их: мол, если такое будет н в дальнейшем, то не взыщите — у матери вашей защнтники найдутся, ославитесь на всю страну!

На второй день прискакали, испугались, да ненадолго. Сама же тетя Соня их, наверно, успокоила. Правда, старший время от времени теперь ездит, дает матери по полсотни, ну когда побольше. Соблюдает, значнт, прнличие, а Николай н тем не утруждает себя. А мать скучает о них, вижу, очень скучает.

Ну, а у Капочкн такая история вышла: Федор Иванович ее нз старых холостяков, всю жнзнь свою в Москве провел, инженер он по образованию какой-то финансовый, в мннистерстве работает. Жизнь у него текла размеренная, мамочка всяческн угождала ему, он ей тем же отвечал. А тут вдруг женнлся, новый человек в доме. Матери, вндно, не особенно это по нраву пришлось. То чашку ей невестка не первой за столом подала, то словом не угодила, хотя Капочка старалась нзо всей мочн.

Софья Васильевна всякий раз, побывав у новой родни, буквально заболевала. И Капочку-то ей жалко и о своей жизнн разгрустнтся: есть же вот на свете счастливые матери, которых дети почитают, заботятся о них. За что же ее так обошла судьба?..

Ну, я разговорю тетю Соню, немножко подбодрю.

Заболела как-то мать Федора Ивановича н, оставшнсь одна в квартнре, зацепнлась ногой за половнчок у кухни, зацепилась нескладно, упала. Старушке восемьдесят девятый год шел, ну сердце н не выдержало, умерла.

Родия тотчас съехалась экспертизу наводить: отчего и почему.

Старшая дочь — главный эксперт. И что же вы думаете? Решили, что Капочка, дескать, с умыслом подложила тот несчастный половичок. Представляете?

Федор Иванович обезумел просто. Никакие уговоры на него не действуют. Каждый день после работы на могилку к матери ездит, а Капочке — развод.

Поделили комнаты, дверь мебелью забаррикадировали. Проходит месяц, другой. Теперь Капочке можно бы взять маму к себе. И она, бедненькая, надеется.

Не выдержала я, собралась к Капитолине. Что ж, мол, сердце матери терзаешь? Та в слезы. Трудно, говорит, мне выбирать между Федором и мамой. Возьму я ее к себе, стало быть, отрублю всю надежду на нашу с ним дальнейшую жизнь. Он категорически возражает против мамы.

— Ах, эгоист он закоренелый, а ты — каша манная! — крикнула я напоследок, хлопнула дверью и ушла.

Третий год тетя Соня живет у племянницы, растит ей Леночку. С бабушкой девочке весело, потому что все дети во дворе, как только завидят тетю Соню, сбегаются к ним.

— Поиграйте с нами, тетя Соня! — просят они.

С некоторых пор за Софьей Васильевной в полушутку, в полусерьез утвердилось прозвище: наша «почетная бабушка». А как только при домоуправлении открылась детская комната для ребятишек, где они могут поиграть, сделать уроки в отсутствие родителей, тетя Соня стала ее незаменимым добровольным работником.

— Софью Васильевну теперь не узнать, — говорит Варя с веселой улыбкой. — Скажу вам по секрету: жильцы наших домов думают отметить день ее рождения. И детвора украдкой готовится. Нужный она у нас человек за свое доброе дело и горячо уважаемый!

БОГАТАЯ СЕМЬЯ

В небольшой семье Анны Кузьминичны Немировской три мамы. Сама Анна Кузьминична — Олина мама, затем ее родная мама и мать мужа.

На первом Государственном подшипниковом заводе, где Анна Кузьминична проработала четверть века, семью Немировских знают многие и в шутку называют ее богатой семьей. Еще бы, столько мам!

А некоторые непременно добавят при этом:

— Мать и свекровь в одном доме — это, знаете ли, редкость. А как дружно живут, позавидуешь просто!

— Секрет какой-нибудь, не иначе, знает Анна Кузьминична, — замечают другие с чувством удивления и немножко недоверия.

С молодой хозяйкой дома я была знакома давно, в пору минувшей юности, когда мы с Аней учились на токарей в ФЗУ и, случалось, сидели на одной парте. Но такова, очевидно, сила заводских знакомств: столько лет не встречались, а увиделись — и вновь все просто и открыто между нами...

Помню, Аня в училище слыла интересной девушкой, и сейчас она, как говорят в народе, куда с добром! Женщина статная, видная, а рано поседевшие волосы придают особую выразительность ее красивому, все еще молодому лицу.

Начав свою рабочую биографию токарем третьего разряда в инструментальном цехе завода, Анна росла, училась, пусть не в аудиториях, а непосредственно в цехе, у щедрых на передачу знаний старых производственников.

Старшим инженером-плановиком работает теперь Анна Кузьминична. Кроме того, она неизменный председатель цехкома и десятый год народный заседатель в районном суде.

Сердечная в обращении, отзывчивая к чужому горю и верная на слово: уж если Анна Кузьминична пообещала сделать что-нибудь, она обязательно сдержит обещание — вот секрет ее обаятельного умения ладить с людьми.

О старушках своих — родной матери Анны восемьдесят лет, матери мужа семьдесят три — она рассказывает с улыбкой, особенно теплым голосом:

— Мы часто с мужем говорим, что у нас не одна Оленька, а еще двое детей... Ухаживать за мамами иногда приходится, будто за ребятишками. Старые люди, ничего не поделаешь. И обидчивые очень.

В тысяча девятьсот сорок первом году умер отец Анны. Тяжелые дни переживала тогда столица: война докатилась до ее стен. Из города шла эвакуация. Вместе с заводом в Саратов уехали и Немировские. Овдовевшая мать с тех пор не разлучалась с дочерью. И это было так естественно: семья дочери стала ей родным домом, ведь матери больше негде было приклонить голову.

— Собственно, даже разговоров на тему, где жить маме, у нас не подинмалось с мужем, — говорит Анна Кузьминична. — Наоборот, мама сама сокрушалась, что вот, дескать, она обузой нам будет... Но Анатолий решительно сказал ей: «Выбросьте, мамаша, такие мысли из головы раз и навсегда!» Мама успокоилась, привыкла к своему новому положению. С Анатолием у них всегда были хорошие отношения, а тут и подавно: «Сынок да сынок!» В иную минуту досада возьмет:

— Да кого же ты, мама, больше любишь — меня или его?

— Внучку свою Оленьку, вот кого! — скажет она.

За год до окончания войны Анна получила письмо от матери мужа — Софьи Мироновны, которое очень расстроило ее.

Свекровь писала с Украины, где жила в одиночестве, жаловалась на свое здоровье и тоску о детях:

«Все-то мы врозь теперь, двое сынов воюют на разных фронтах, да и вы с Толенькой разъехались. Скоро ли он будет иметь возможность вернуться из Саратова к семье? Кажется, не доживу до того часа, когда смогу повидаться с детьми...»

Письмо не выходило из памяти Анны, хотя прошло уже несколько дней и давно пора было на него ответить. Но Анна не знала, что писать. Безликие, утратившие первозданную свежесть слова утешения со ссылкой на тяготы войны казались ей грубой отпиской: они прозвучали бы почти оскорблением для старой матери. Анна достаточно хорошо знала ее характер, знала, что Софья Мироновна не такой человек, чтобы жаловаться по пустякам. Значит, ей приходится очень туго, а ведь жизнь и раньше особенно не баловала ее.

Тридцати трех лет она осталась вдовой с тремя сыновьями на руках. Специальности у Софьи Мироновны никакой, а детей кормить как-то надо. Раздумывать некогда. Ну, а что может делать домашняя хозяйка? Взялась белье на людей стирать, затем научилась мужские рубашки шить.

Подняла, вырастила сыновей не хуже других...

Теперь мать, больная старая женщина, скитается где-то по чужим людям, пережив страшные дни фашистской оккупации. Ей отдохнуть бы надо, отогреться душой...

В голову Анны лезли картины одна другой печальней: вот мать в нетопленной, с полуразбитыми стеклами комнатенке, с опухшим от недоедания лицом; вот она ложится вечером в холодную постель, с усилием сгибая ноющие от ревматизма колени.

«Пока не поздно, выпишу мать к себе», — решила

Анна в одну из бессонных ночей и, решив так, сразу избавилась от навязчивых, гнетущих душу видений.

Теперь она с удовольствием представляла, как мать, получив ее письмо, прослезится от радости, оповестит всех соседей о своем отъезде и, недолго мешкая, соберется в путь.

И тут Анна с удивлением и благодарностью впервые подумала о том, что ей очень повезло с матерью мужа: хорошая она у него, справедливая. За десять лет их семейной жизни с Анатолием она ни единого раза ни словом, ни поступком не послужила им причиной ссоры, как это часто случается в других семьях.

— Вот и правильно, доченька, твое решение, — сказала утром Анне ее родная мать. — Софью Мироновну мне очень жалко. Где же матери быть, как не возле своих детей? Тесновато у нас, конечно, ну да не зря пословица выдумана: в тесноте, да не в обиде. Ничего, устроимся...

Ранним утром встречала Анна свекровь.

Кончался февраль, в городе все настойчивее давала о себе знать весна извечными приметами: по карнизам крыш висели сосульки, а яркое, уже пригревающее солнце в полдень шаловливо обрушивало их на тротуары, а то и на головы прохожих.

С фронтов передавали победные сводки, и очень хотелось думать, что это последняя военная весна.

У мальчика Анна купила букетик любимой серебристой вербы, поднесла его к губам и чуть не расплакалась: как все это было давно — цветы, радость, поездка на южный курорт с этого самого вокзала...

Софья Мироновна первая увидела Анну на перроне, бросилась к ней и долго целовала ее лицо, глаза, волосы, выбившиеся из-под платка.

— Милая моя, родная, я все поняла по последнему письму Анатолия, — приговаривала она. — Это ты без него вызвала меня сюда. Еду, всем рассказываю о тебе.

Пятнадцатый год в семье Немировских живут две матери. С первого же дня старушки поладили между

собой и о хозяйственных делах договорились: мама Анны Кузьминичны в магазины ходит, Софья Мироновна, славясь искусством поварихи, готовит обеды.

Выпал семье однажды лихой год: Анатолию Григорьевичу после болезни пришлось временно пойти на инвалидность.

Но настроение в доме не портилось. Еще больше предупредительности проявляли друг к другу его обитатели. Иногда до смешного доходили: испечет Софья Мироновна сладкий пирог, останется от него последняя долька, тут и начнется! Анна с мужем мамам оставляют ее, они — им с Оленькой. До того доставляются другой раз — зацветет пирог!

Стал завод распределять желающим участки под строительство дач, получили землю и Немировские.

Анатолий Григорьевич, правда, начинал свою трудовую жизнь слесарем, Анна тоже никогда лопаты в руках не держала, зато ее родная мама была из крестьян, знала, что где посадить и как ухаживать за огородом.

Участок быстро преображался. Мамы совсем повеселели, допоздна копаясь на грядках.

— Решили мы старушкам день рождения отмечать с гостями и, как водится, с подарками. Много ли старому человеку надо? — говорит Анна Кузьминична с чуть-чуть грустной улыбкой. — Старые что малые. Радуются словно дети. Кто ни придет к нам, сейчас же подарки свои покажут и примерят даже. Вернешься домой с работы усталая, бывает и взвинченная, а тут вокруг тебя мир и тишина. Ну, сразу все забывается, душой отдыхаешь.

Кстати, отдыхали мы тогда по очереди на единственной тахте. Сначала Толик с часик полежит, затем скажет: «Прилягте, мамаша, теперь вы». Мамашей он называет мою маму. А там очередь и за Софьей Мироновной.

Натопаются старушки за день-то, хоть и невелики дела по дому, сама все больше стараюсь сделать, да возраст дает себя знать.

Но нет хуже, когда мамы болеют. К счастью, еще не было такого совпадения, чтобы одновременно обеим нездоровилось. Уйдешь на завод, сердце не болит: кто там лекарство больной подаст? Ухаживать одна за другой они умеют заботливо, терпеливо. Мама моя, к примеру, начинает плохо есть, чуть ей невмоготу станет, так Софья Мироновна будет до тех пор ее уговаривать, пока не заставит съесть что-нибудь.

Больной человек к еде привередлив: все-то ему надоело, и все ему не по душе. То кисленького, то солененького вдруг ему захочется. Ну, хлопочем, угождаем. А главное, не скупимся показать заболевшей маме свою тревогу и участие: и я и Анатолий с работы обязательно позвоним, спросим, как здоровье, что надо маме.

Оля из университета справляется о самочувствии бабушки, а вечером, глядишь, ее подружки звонят и тоже здоровьем бабушки интересуются.

«Ну вот, слышишь, бабушка, как о тебе беспокоятся, а ты: «Хватит, пожила...» Нет, не хватит, и, пожалуйста, не огорчай нас, а поправляйся быстрее».

Не преувеличивая, скажу: Оля у нас молодец по

отношению к бабушкам, да и они в ней души не чают.

Вот так общими усилиями и поставим старушку на ноги.

Да, забыла сказать: существует у нас так называемый семейный совет из четырех человек, одним словом, только Ольга лишена права голоса. На совете обсуждаются предстоящие покупки как большие, так и маленькие, дачные дела. Мамы, конечно, всегда в одну дуду дуют, между ними разногласий не бывает, им бы лишь расходов поменьше. Однако убедим их — уступят. «Что ж, — скажут, — молодым виднее!»

Много жарких споров поднималось по поводу покупки мебели для новой квартиры. Но мамы неожиданно изменили свою линию и готовы были ни есть, ни пить, только бы поскорее обставить комнаты.

Натерпелись, нажились мы в тесноте за двадцать-то с лишним лет, а теперь нам что, теперь у нас рай. У всех кровати, все по разным комнатам спим, иной раз даже соскучимся друг о друге!

* * *

В просторной квартире Немировских не хватает еще кое-чего из мебели для полного комфорта, но зато то, что куплено, говорит о хорошем вкусе хозяев.

Две милые аккуратные старушки с особым добродушием провели меня по комнатам, сводили на кухню и в ванную, где все сверкало чистотой и каждая вещь лежала на своем месте.

— Хорошо живем, не верится иногда, что все это помещение наше! — приговаривает Софья Мироновна. Она часто улыбается, и молчаливой ее назвать никак нельзя.

Софья Мироновна, сразу видно, помоложе матери Анны — женщина полная, живая, хотя движения ее плавны. Годы пощадили ее лицо, оно моложаво, с неглубокими морщинками и очень подвижно.

Много на своем веку перестиравшие чужого белья руки ее — маленькие, белые.

— Меня и раньше две другие снохи не могли к себе калачом заманить, ну а сейчас и подавно. Нет

у меня родной дочки, так средний сынок постарался: взял и привел мне дочку. Живем вот две матери и, верите, дурного слова от Анечки не слыхали, не то чтобы обидеть нас чем.

— Да, да, — кивает головой Мария Тимофеевна, сухонькая старушка, вероятно легкая, как ребенок. Старчески-выцветшие глаза ее полны радости и умиления за дочь.

— А когда я заболела воспалением легких, — говорит Софья Мироновна, — в старой комнате это случилось, так Анечка в больницу меня не отдала, а сама за мной ухаживала. Нужно какого лекарства достать — все аптеки объездит, найдет. В день по два раза белье мне меняла. Ночью постирает, высушит... Оленька это видит, конечно, понимает, и воспитание у нее, как говорится, получается самое правильное, на примерах родителей. Хорошая девочка растет, уважительная. В маму пошла.

Анна Кузьминична смущенно перебивает мать:

— Ну и ничего особенного я не делаю для вас, иначе как же? Сами старые будем. А вот вы у нас, прямо скажу, исключительные мамы, днем с огнем поискать. Умницы вы наши старенькие.

Я прощаюсь с Анной Кузьминичной и ее мамами, унося в душе отрадное чувство гордости за обитателей этого простого рабочего дома.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

В благоустроенной просторной квартнре Привезенцевых наведен, как всегда, порядок, но сегодня с особым старанием: ждут дорогого гостя. Кроме постоянных дежурств по комнатам, в субботннй день трудятся все без исключения. В семье десять человек детей: восемь мальчиков и две девочки, — мама же у них на всех одна. Как не поберечь ее!

К тому же Валерий — придирчивый брат, вдруг где-нибудь обнаружит мусорннку? Случилось же однажды так: только что вымытый с усердием пол ему показался грязным, и он, переодевшись в свой домашний костюм, принялся со всеми вместе за работу.

Было, правда, очень весело, но зато страдала гордость. Куда приятнее, когда Валерий похвалит за чистоту. Да и на маму не всякий раз угодишь: вон она ходит, проверяет все...

Александра Васильевна — еще молодая женщина, с открытым красивым лицом и густыми золотисто-русыми, уложенными в пучок волосами.

Дочь рабочего-железнодорожника, она пошла было по профессии отца, но, вскоре поняв, что ее призвание — кулинария, поступнла в ФЗУ общественного питания.

Работа поваром в столовых не была ее единственным занятием. Веселая, общнтельная, Шура любила

быть в гуще жизни, и поэтому она неизменный член разных комиссий по общественным мероприятиям.

В тысяча девятьсот тридцать шестом году романтика созидания привела ее на стройку канала Москва-Волга. Тут Шура доживала свой последний год девичьей жизни.

Знакомство с Гаврииллом Федоровичем Привезенцевым — прорабом строительства в Южной гавани в Кожухове — закончилось свадьбой.

Семья удалась на славу.

Трудолюбивый, честный, доброй души человек, Гавриил Федорович не меньше жены любит детей и стремится дать им хорошее воспитание.

Сейчас Гавриил Федорович по условиям своей работы часто отлучается в длительные командировки, и Александра Васильевна остается с детьми одна.

Старшему сыну Привезенцевых, Валерию, двадцать лет.

Сложен он на загляденье: высок, строен и силой наделен изрядной, недаром имеет первый разряд по акробатике.

Закончив десятилетку, он успел летом поработать грузчиком, а теперь призван в армию и служит в Гвардейской Таманской дивизии.

По выходным дням командование отпускает Валерия на побывку домой: ведь когда отец уезжает в Заполярье, старший сын остается в семье за хозяина.

Его ждут с нетерпением и радостью. Младшие братья и сестры очень скучают о нем, а тут еще очарование солдатской формы, блестящих пуговиц и предвкушаемое малышами удовольствие покататься на широких плечах брата.

...Раздался долгожданный звонок. С восторженными криками и визгом Вася, Люба, Витя, а за ними и остальные помчались открывать дверь.

Родной солдат стоял у порога. Его бросились обнимать и целовать, тянули за руки, каждый требуя к себе внимания.

Поверх русых головенок Валерий отыскал глазами мать: глаза вспыхнули радостью, залучились. Мать

улыбалась ему и что-то говорила, в веселом гомоне не разобрать.

Валерий не переставал думать о матери целую неделю, с нетерпением ожидая того часа, когда в вечерней тишине квартиры они сядут вдвоем за стол и, понимая один другого с полуслова, начнут свой разговор на разные темы.

С тех пор как он помнит себя, любовь к матери занимала в его жизни большое место, но никогда еще она не поднималась на такую высоту, как теперь. Это объяснялось, вероятно, просто: он вырос, стал многое понимать и разбираться в людях.

Мир детства, населенный просто дяденьками и тетеньками, выглядел сейчас иначе: он делился на хороших и плохих людей.

Его мама была в числе лучших, она необычная, не похожая на других матерей, с которыми он познако-

мился в домах товарищей. Пусть она не стала ни прославленной певицей, хотя у нее хороший голос, ни видным специалистом другой профессии, но зато она воспитывает десять человек детей, неустанно заботясь не только об их здоровье, но и строго опекая их души.

В семье не умеют говорить неправду, поступать нечестно или быть корыстными. И этот высокий накал нравственных качеств задается матерью.

В доме легко дышалось и легко верилось в идеалы.

Лентяев и белоручек в семье не терпели, да им и невозможно было завестись тут, где все почти держалось на самообслуживании и дружеской выручке.

Валерий не тотчас избавился от бурных излияний младших сестер и братьев. Мать ждала его с разрумянившимся, довольным лицом. Она принарядилась для сына в праздничное, с белым воротничком платье, по-новому причесалась. На гладких блестящих волосах ее обручем лежала толстая коса, что делало Александру Васильевну несколько выше ростом.

— Ну, признавайтесь, ребятня, кто из вас без меня расстраивал маму? — задал Валерий свой привычный вопрос.

— Не я, не я! — раздался хор голосов, затем баритон Володи как бы подытожил: — Да никто, братишка, не расстраивал. Впрочем, мама тебе сама все расскажет...

В столовой на раздвинутом столе уже было расставлено угощение: пирожное «наполеон» и вазочки с вареньем в таком количестве, что хватит с изобилием на всех.

Малыши поглядывали на Володю с уважением: пиршество было организовано на его повышенную стипендию отличника кулинарного училища и приготовлено им самим.

— Ешьте да похваливайте, — несколько смущаясь, то и дело хватаясь за очки, сказал Володя и тут же, осмелев, добавил: — Не будьте неблагодарными!

Все рассмеялись, усаживаясь за стол. Валерий занял пустующее место отца, рядом с матерью. Де-

журные Вася и Люба прииялнсь разливать чай. Такое угощенне по доброте будущего повара в семье не редкость, раз в месяц Володя задает подобный пир. Хозяйствениая жнлка была ведущей в его характере. Началось все с желания помочь матери у плнты приготовить вкусиую пнщу и иакормнть всех сытно.

Отправляясь в магазин, Володя прнкндывал, чего и сколько купнть. Маленького домовнтого хозянна зиалн за прнлавком, а мясннк дядя Ваня был рад ему услужнть.

Володя всегда озадаченно советовался с ним, какой кусок мяса лучше взять для супа, чтобы потом можно было вынуть его н пустить иа второе. Очередь терпелнво, уважнтельно ждала.

Больше другнх детей вннкая в нужды семьн, Володя вндел, сколь нелегко прнходнтся матерн сводить концы с концамн, н часто грезил вслух, как он закончит десятилетку, постарается быстрее получнть профессню и станет прнносить свои заработки в дом.

Трн лета подряд он езднл в пнонерскне лагеря помощннком повара н брал на свой кошт двонх младших братьев.

Все знакомые женщнны и соседкн не могли иахвалнться Володей. Александра Васнльевна только улыбалась: у иее и другие детн не хуже. Взять хотя бы Васю с Внтей, они тоже очеиь трудолюбнвые: разносят после школы «Вечерку», а в зимнне каинкулы Вася при переборке яблок иа одном складе заработал четыреста восемьдесят рублей.

— Тебе, мама, на подарок уберу, к 8 марта, — сказал он, сняющий.

— Хорошо, сыночек, благодарю.

...Кто из школьников не мечтал о собственных ручиых часах, и иепременно на браслетке! Снилнсь оии и Васе Привезенцеву, ученику восьмого класса, одиако он думал, что наяву это едва лн осуществнмо.

И вдруг мама преподноснт ему часы! Радость мальчнка была настолько велика, что он позабыл, хотя бы для прнличия, огорчнться самочннством мамы!..

Володе не приходилось потчевать своих гостей: пирожные таяли молниеносно, но даже малыши за столом держали себя весьма прилично, с успехом пользуясь тарелкой и ложечкой. Не пропадают, видно, даром уроки отца по выходным дням при так называемых парадных обедах и чаепитиях.

— Мама, а что ты скажешь по поводу моих изделий? — спросил Володя, подходя сзади к матери и слегка опираясь на ее плечо.

— Самое меньшее — четверку с плюсом я тебе могу поставить, — отвечала Александра Васильевна, любуясь заалевшимся лицом сына.

Как она всегда надеялась на его благоразумие и была за Володю спокойна больше, чем за кого-либо из детей!

Александра Васильевна невольно вздохнула. Что ж, сама виновата не меньше сына: не пресекла вовремя эту ненужную ему новую дружбу с малознакомым мальчиком. Думалось: как же так, родители Левы интеллигентные люди, в квартире полно книг, да и мальчик держит себя вежливо, с достоинством! Володе не повредит кое-что перенять у него. Пусть встречаются, делают вместе уроки.

Но об уроках они, оказалось, меньше всего беспокоились. Двойки, единицы запестрели в табеле Володи, к тому же и школу он стал посещать не ежедневно. И это в последнем, десятом классе!

Александра Васильевна, как маленького, повела Володю в школу за руку.

— Пусть все видят, пусть знают, — выговаривала она ему. — И встречать тебя приду!

— Приходи, мама, мне приятно пройтись с тобой, только зря ты себя утруждаешь. С Левкой все кончено. И с двойками тоже. Я поднажму и расправлюсь с ними, все учителя в меня верят. Но, мама, прошу тебя, побереги себя, не горюй понапрасну, так и захворать недолго... Вон какое у тебя сейчас больное лицо! — договорил он с явным усилием.

Александра Васильевна молчала, пристально глядя на сына: почти утраченная вера в детей горячим

потоком хлыиула в сердце, смягчила боль. Но оиа ие позволила себе отдаться первому порыву чувств, а главиое, высказать его перед Володей: ие мешает ему как следует почувствовать свою вину и надолго запомиить о ией.

— Нет, я обязательно приду за тобой, — угрюмо повторила мать.

«Ох, ие слишком ли я тогда была строга с иим?» — подумала сейчас Александра Васильевна, с нежиым вниманием следя, как Володя вытирает бумажиой салфеткой перепачкаииые вареньем мордашки детей.

— Так какие же новости тут у вас за иеделю? — спросил Валерий, отодвигая пустой стакаи.

— Да иичего особеииого, живем помалеиьку, — отвечала она, заранее решив скрыть то, что лучше будет рассказать иаедиие. — А твоя служба в порядке? — спросила мать.

— Вполие! — проговорил Валерий, тоже что-то приберегая про себя для матери личио. Это что-то, Александра Васильевна по тоиу сыиа поияла, были приятные новости.

Прочитали вслух письмо отца, полученное накануне, в котором ои обещал скоро приехать, и тут сиова вразнобой заспорили: писать на письмо ответ или не иужио, успеет ли оно застать отца иа месте?

Малыши твердили — писать, им не терпелось отослать папе свои последиие рисунки, что делалось в каждом письме и доставляло «трудолюбивым художиикам» приятное волиеиие.

Вася с девочками возражали. Хозяйствеииый Володя произнес:

— Зачем поиапрасну тратить марку?

Валерий с улыбкой иа лице прислушивался к оживленному спору за столом и посматривал иа раскрасиевшиеся личики.

Что за удовольствие сидеть в кругу такой семьи! Даже одиииадцатимесячный Славочка с потешиыми четырьмя зубками и изрядио толстыми щечками не захотел остаться в стороие от спорящих и, стоя в кроватке, пытался подать свое особое миение никому ие понятиыми звуками.

Мать шутливо попросила:

— Да дайте же птенцу слово молвить! Говори, Славик!

Шум на минуту утих, а ребенок, как будто воспользовавшись этим, что-то энергично выкрикнул и, отцепив одну ручонку от сетки кровати, взмахнул ею.

Смеху конца не было.

Валерий в расстегнутой у ворота гимнастерке, без ремня, чувствовал себя целиком на отдыхе. Он встал, подошел к ребенку. Славик уже приготовился заплакать, но тотчас засиял, очутившись на руках брата.

Володя, сигнализируя глазами, вызвал Валерия на кухню — «пошушукаться», как говорила мать. Секреты касались знакомых девушек.

— А третий лишний вам не помешает? — спросила Александра Васильевна, указывая на осчастливленного малыша, с упоением теребящего блестящие солдатские пуговицы.

— Нет, нет! — рассмеялся Володя, увлекая старшего брата за собой. Александра Васильевна посмотрела им вслед. Как хорошо, что в ее семье дети дружны между собой!

На исходе одиннадцатого часа в квартире прозвенел дверной звонок.

«Кто бы это мог быть? — подумала Александра Васильевна. — Поздновато для гостей».

Незнакомая женщина попросила разрешения войти.

— Пожалуйста, прошу, — пригласила хозяйка дома, прикрывая на ходу дверь детской, где уже давно спали малыши.

— Это все ваши? — поинтересовалась женщина, указывая на окружавших Александру Васильевну сыновей, внимательно вглядываясь в их лица и как будто не находя кого-то.

— Мои... А что? — с недоумением и несколько с испугом вырвалось у Александры Васильевны.

— Да вот не вижу одного... в школьной форме, Васю. Я, собственно, пришла по поводу его.

— По поводу его... — машинально повторила Александра Васильевна. — Так вот он. Вася, да иди же сюда! — позвала сына мать.

Светлоголовый мальчик застенчиво приближался к ним, силясь улыбнуться. Женщина в нетерпении шагнула ему навстречу с протянутыми руками.

— Миленький ты мой, какой же ты славный! Спасибо вам, мамаша, за такого сынка, — заговорила она, обращаясь к Александре Васильевне. — Да я вам благодарность еще в газету напишу, пускай все знают!

И она рассказала, как, выходя вчера из автобуса, вдруг нескладно поскользнулась, упала и уронила из рук сверток с покупками, а главное, сумочку с деньгами, предназначенными на приобретение пальто. Замок от падения открылся, и все сотенные выпали на тротуар.

— У меня в глазах потемнело! Народ кругом, долго ли бумажку-другую под каблуком замять, люди всякие бывают. А тут ваш мальчик подвернулся: «Тетенька, не волнуйтесь, я сейчас!» И верно, как вьюнок, сует мне деньги, встать помог. «Вы далеко живете? Я отведу вас». — «Рядом живу, вон подъезд виднеется. Да кто хоть ты? Зайди на минутку». — «Вася я!» — и был таков. Ну, сегодня дозналась, что за Вася, где живет. Принимай, счастливая мать, мою благодарность и подарком не побрезгуй. Купила Васеньке шоколадинку. Да одной, выходит, мало, не знала я, что вон их сколько у тебя!

— Ничего не нужно, что вы! — запротестовала Александра Васильевна. — Вы и так мне радость до-

ставили. Ни полсловечка не сказал ведь Вася. У-у, скрытный!

И мать, ухватив мальчика за вихор, потрепала его.

Вася не выразил никакого сопротивления, а лишь пробормотал:

— А чем хвалиться, собственно?

— Как чем? — возразила посетительница. — Хорошо поступил, не каждый паренек так-то сделает.

— Ну и зря, — назидательно заметил Вася. — А если его мама упадет, кто ей поможет? — И продолжал: — Только ты, мама, лучше никогда не падай.

Все заулыбались. Валерий протянул Васе руку.

— Молодец, прими от гвардии солдата рукопожатие.

— И приму, раз заслужил, — горделиво ответил Вася, покраснев от радости. Похвала старшего брата для него много значила.

— Ну что, мама? — полчаса спустя, когда все разошлись по своим кроватям, спросил Валерий мать, усаживаясь рядом с ней на диване в большой передней. — Довольна Васюткой? Не посрамил он твое воспитание?

— Да, довольна, ничего не скажешь, — отвечала Александра Васильевна, — однако вот насчет воспитания вообще не знаю, — добавила она в нерешительности, напрягая брови и глядя в лицо сына спрашивающим взглядом. Она давно уже привыкла делиться с ним своими сомнениями и тревогами, а советы сына в таких случаях находила весьма умными.

— Расскажи, мама, — коротко попросил Валерий. Теперь они были одни и могли говорить обо всем откровенно. — Что-нибудь случилось, да?

— Случилось. С Володей. Он тебе ничего не говорил? Неприятная история с ним вышла на катке в Сокольниках... Уехал из дома бодрый, здоровый, а приезжает часа через два — на нем лица нет. «Откуда ты такой?» — спрашиваю. — «Из милиции». Я так и ахнула. Моргнула ему, чтоб при малышах помолчал. Веду к себе в комнату. «Еду, — рассказывает, — по кругу; вдруг кто-то как хватанет меня по груди, еле на ногах удержался. Оглядываюсь — мужчина рядом.

Не нарочно, конечно, нечаянно размахнувшись рукой, задел. Но извиниться бы надо. Говорю ему об этом, а он: «Ты сам пьян и извиняйся». — «Я пьян? Ну нет, рюмки за всю жизнь еще не выпил». — «А вот это мы посмотрим... Почему хулиганишь на катке?» — «Да вы что, гражданин?..»

Всю ночь не спали с Володей. «Мама, как же так? Человек на вид солидный, пожилой, а... Ну, в милиции, конечно, разобрались. Но обидно-то как!» Я успокаиваю его. «Забудь,— твержу,— попался тебе просто нехороший человек, да разве свет на таких держится? Нет, конечно!» Расстроилась я с ним...

— Мама, мама, не узнаю тебя! — с нотками удивления и упрека в голосе воскликнул Валерий. — А как же твое средство — «Песенник вместо лекарств»? Ты знаешь, в части у нас по твоей методе стали ребята лечиться. И помогает! Ну попела бы ты, и делу конец.

— Шутишь, Валерик, а мне было не до смеха. Я мать, на мне ответственность за вас. Не слишком ли вы у меня уязвимы, чуть что?.. «Мама, мама, где же справедливость?» — из головы у меня не выходит. Ох, не нравится мне это! Парню восемнадцать лет, а растерялся, разволновался...

— Да, как барышня кисейная, — проговорил Валерий, — впрочем, на катке он держался молодцом. Но не горюй, мама, разок-другой жизнь стукнет Володьку по носу, и все войдет в норму, если перестаралась ты в чем. А скорее всего не Володе и ему подобным придется вытирать разбитые носы, а тому нахалу. Ведь какую задачу сейчас перед собой ставим? Работать и жить по-коммунистически. С каждого скоро спрашивать будем не только за дурной поступок или некрасивое слово, а даже за улыбку злую, что кому-нибудь могла испортить настроение. К тому идем, мама. Что у нас в части делается! Хорошие парни подрастают на земле, и восемь из них — Привезенцевых. Ты меня поздравить можешь, мамочка, меня рекомендуют в кандидаты партии.

— Сынок, милый, это верно? Радость-то какая к приезду отца! Ну, дай я тебя, гвардейца, расцелую.

Дружочек ты мой преданный! Ну, рассказывай все по порядку: кто рекомендации тебе дает и скоро ли примут? — спрашивала мать, но тут же перебивала себя, в радостном возбуждении приговаривала:

— Сегодня я счастливая из счастливых — сына в партию принимают, значит и впрямь неплохого вырастили. Хлопот-то сколько, забот с детьми, а вот, глядишь, и счастье в дом пожаловало...

— По заслугам, мама, по заслугам, — говорил баском Валерий. — От меня лично тебе, мамочка, спасибо. Умница ты у нас. Побольше бы таких мам жило на свете!

Александра Васильевна припала к сыну, гладила его щеки, ершик волос, и в голове у нее рождались яркие, необычные мысли о том, что, возможно, далеко не каждой матери бывает суждено услыхать подобные слова от сына или дочери и далеко не каждой, как ей в это неповторимое мгновение, приходится благодарить судьбу за то, что она мать.

Как бы продолжая свои мысли вслух, Александра Васильевна заговорила:

— Ты, наверно, перехваливаешь меня, сыночек. Сам посуди, что бы я могла дать вам, живи мы в другое время, в другой стране? Да мы бы просто в нищете погибали, где уж там о духовном воспитании думать... Обязательно скажу об этом в Кремле, когда буду получать звездочку матери-героини...

— Непременно, мама, непременно, — поддержал ее Валерий.

Щербакова Вера Алексеевна

МАМА

Редактор *Л. Тормозова*
Художник *Е. Гаврилкевич*
Худож. редактор *К. Аркуша*
Техн. редактор *А. Коняшина*

А06710 Подписано к печати 22/VII 1959 г. Бум. $84 \times 108^1/_{32}$ = 1 бум. л. = 3,28 печ. л. 3,0 уч.-изд. л. Тираж 200 000 экз. Зак. 1072 Цена 90 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сущевская, 21.

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ